

S T U D I A P H I L O L O G I C A

А. Д. Михайлов

ДО ФРАНСУА ВИЙОНА,
ДО МАРСЕЛЯ ПРУСТА

ТОМ III

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2011

УДК 821.133.1.0

ББК 83.3(0)9

М 69

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 10-06-07129

Михайлов А. Д.

М 69 До Франсуа Вийона, до Марселя Пруста / Сост.
Т. А. Михайлова. — Т. III. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 552 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 978-5-9551-0474-4

В книге собраны статьи, написанные в разное время (начиная с 80-х годов), но посвященные одной теме — французской средневековой литературе во всем ее многожанровом проявлении, и ее связи с культурой других стран и эпох — античной, древнеанглийской, кельтской и даже древнерусской. Особое внимание уделено проблеме развития и трансформации традиционных сюжетов и мотивов в момент проникновения их в иноязычную среду или в контекст новых культурных ценностей.

Книга представляет собой третий том избранных работ А. Д. Михайлова (см. «От Франсуа Вийона до Марселя Пруста». Т. I и Т. II. М.: Языки славянских культур, 2009, 2010). Она была полностью подготовлена им к печати к началу сентября 2009 года, но дальнейшую работу с издательством прервала внезапная смерть автора. В архиве А. Д. Михайлова была найдена рукопись незавершенной книги о проблеме фантастики в Средневековье, над которой он работал в последние годы, — первый ее раздел был также включен в настоящее издание («Фантастический универсум бретонских лэ»).

ББК 83.3

На переплете:

Миниатюра из французской рукописи XIV в. Изображение строительства.

ISBN 978-5-9551-0474-4

© А. Д. Михайлов, 2011

© Т. А. Михайлова. Составление, 2011

© Языки славянских культур, 2011

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Содержание

Предисловие	7
О жанровом составе средневековой литературы и его эволюции (Предварительные замечания)	15
Любовная лирика средневекового Запада	29
Роман и повесть высокого Средневековья	49
Проблема генезиса антибуржуазной сатиры в фаблио	83
Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса	95
Средневековый французский фарс	137
У начала великой традиции: книги Гальфрида Монмутского и их судьба	167
Перевод и подражание в Средние века (От «Энеиды» Вергилия к «Роману об Энее»)	213
Первые романы Кретьена	233
Средневековый французский роман о Флуаре и Бланшефлор, его источники и его судьба	275
Легенда о семи мудрецах и ее старофранцузская обработка	305
«Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори	339
Легенда о Тристане и Изольде и ее завершение (роман Пьера Сала «Тристан»)	363
Венеция во французском рыцарском эпосе и романе	375
Два «романа» об Эреке (К вопросу о литературных взаимосвязях в эпоху Средних веков)	389
О границах типологических сопоставлений (Вокруг легенды о Тристане и Изольде)	399
Об одной старофранцузской параллели «Слову о полку Игореве»	413
Театральная жизнь Древней Руси в контексте развития европейского средневекового театра	421

Средневековая романдская литература (Опыт реконструкции)	433
Фантастический универсум бретонских лэ.....	463
<i>Вместо послесловия:</i>	
Изучение средневековой литературы: итоги, задачи, прогнозы	537

ПРЕДИСЛОВИЕ

На филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где я учился в 1950—1955 гг., литературу Средних веков и тем более культуру этой эпохи преподавали поспешно и предельно сжато. В самом деле, на почти тысячелетие развития западноевропейской литературы было отведено не более семи или восьми лекций. Этому было несколько объяснений. Во-первых, на все остальное, что считалось более нужным и важным, времени оставалось очень мало и поэтому набирали нужные «часы» где только можно. Но все-таки основная причина была не в нехватке лекционного времени. Важнее было общее — довольно распространенное — отношение к Средневековью как к эпохе глубокого и повсеместного упадка культуры, подавляющего господства церковной идеологии, как к эпохе всевозможных предрассудков и распространения мистических учений. Что же, бесспорно, в ту эпоху были и мистические учения, и подавляющее влияние церкви. Средневековью у нас решительно противопоставляли Возрождение, эпоху, конечно, блистательную, страстную любовь к которой надежно подкрепляли известные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, высказывания, считавшиеся тогда неоспоримыми и основополагающими. Возрождение, в самом деле, было замечательным культурным поворотом в истории человечества, вот почему со Средневековьем Ренессанс вел борьбу, часто решительную, агрессивную и нередко бездумную. Эта упорная борьба вызвала даже остроумную, но и резкую книгу французской исследовательницы-медиевистки Режи́н Перну (см.: *Pernoud R. Pour en finir avec le Moyen Age. Paris, 1977*), тем не менее безграмотные нападки на Средневековье не прекратились.

Но вот на что нельзя было не обратить внимание. В эти мрачные, темные столетия немало создавалось выдающихся художественных произведений, ярких, светлых по своей идейной направленности, эстетически прекрасных, к которым затем будут и будут обращаться на протяжении столетий, на фундаменте которых во многом и воздвигал свое величественное здание Ренессанс.

В эпоху Средних веков время от времени выпадали такие насыщенные периоды истории культуры, что их — позже — за

неимением лучшего называли тоже «ренессансами», только как бы уменьшенными, частными. Так принято говорить о «Каролингском возрождении» или о «Ренессансе XII столетия»

Не лучше обстояло дело в Университете с преподаванием истории. В моем случае — с историей Франции. Курс этот, рассчитанный на один семестр, вообще начинался с «середины» — с событий Великой французской революции 1789—1794 гг., а то, что стряслось в стране до этого, как бы не существовало вовсе, по крайней мере, мы этого не «проходили».

Несколько иначе было с преподаванием истории языка. Началось это с «начала», и мы на практических занятиях довольно долго и бестолково читали подлинный текст «Песни о Роланде», текст бесспорно очень трудный, к анализу которого и его комментированию мы были совершенно не готовы, а потому занятие таким чтением оказалось совершенно бесполезным. Кажется, и сейчас преподают историю французского языка точно также, то есть впусую, лишь бы сдать экзамен и поскорее забыть. Готовиться к чтению средневековых текстов надо как-то иначе, но нас этому не учили. Не говорю уж о средневековой палеографии, к ней мы и не прикасались. Думаю, что было бы полезней начинать чтение средневековых текстов не с «Песни о Роланде», а с памятников XIV—XV вв., причем, не очень сложных, скажем, с Гильома де Машо и Эсташа Дешана, а не со все-таки замысловатого Вийона. Мой путь приобщения к старофранцузским текстам был именно таким; я начал даже еще «позже» — с поэзии (очень ясной) и прозы (потруднее) XVI в. Пятясь назад, я постепенно научился достаточно легко читать памятники XIV, XIII, XII вв., особенно повествовательные, и привык к их в общем простому, но совершенно непохожему на современный синтаксису. Что касается лексики, то надо было иметь под рукой словари Грандсеня д’Отерива или Греймаса и выучить пару сотен слов, которые современным языком утрачены. Неплохо было бы хотя бы внимательно полистать какой-либо курс истории французского языка, скажем, А. Доза.

Теперь несколько слов о переводах. Учитывая, что читать старофранцузские тексты мы не умели, мы неизбежно обращались к переводам. Но их практически не было. Несколько раз — и прекрасно — была переведена «Песнь о Роланде» (Ф. Д. Де Ла Бартом, Б. И. Ярхо), издавался превосходный пересказ легенды о Тристане и Изольде, сделанный Ж. Бедье, и по сути дела это все. Впрочем, были

еще две маленькие книжки, пытающиеся хоть как-то представить богатейшую куртуазную литературу средневековой Франции; это анонимная повесть-песня «Окассен и Николетт» и «Мул без узды» никому неведомого Пайена из Мезьера. Книжечки милые, но не более того. Видимо, и к переводам средневековых текстов (если за ними не проглядывали «народные корни») наши издатели подходили с осторожностью. Естественно, исключением тут был Франсуа Вийон, бродяга, недоучившийся школяр и гениальный поэт. Его у нас переводили такие крупные поэты, как В. Брюсов, Н. Гумилев, И. Эренбург, П. Антокольский, Вс. Рождественский и др. Была популярна книжка Франсиса Карко «Горестная жизнь Франсуа Вийона» и, конечно же, прекрасная статья Осипа Мандельштама.

Поворотными в изучении Средневековья, вообще в отношении к нему стали, как мне кажется, два события середины 60-х гг. Во-первых, это начало работы в Институте мировой литературы им. А. М. Горького над монументальнейшей (первоначально планировалось десять томов) «Историей всемирной литературы» и — параллельно ей — двухсоттомной «Библиотекой всемирной литературы», предпринятой издательством «Художественная литература». Тут уж обойти эпоху Средневековья стороной или отделаться отговорками было нельзя. Добавим, что как раз в это время стали появляться прекрасные книги А. Я. Гуревича, посвященные средневековой культуре.

События эти оказались поворотными и в моей научной судьбе. Дело в том, что к тому времени я уже давно и достаточно настойчиво занимался поздним Средневековьем, приглядывался и примеривался к нему, а параллельно все более глубоко проникал в поэтический мир «Плеяды» (Ронсар, Дю Белле, Баиф и др.) и это бесспорно помогало занятиям медиевистикой. Я уже строил осторожные планы перевода сборника XV в. «Сто новых новелл» и несколько самонадеянно предложил серии «Литературные памятники» солидный том «Легенды о Тристане и Изольде». Благодаря поддержке И. Н. Голенищева-Кутузова и Н. И. Балашова эта моя заявка была принята, и я более чем на десять лет ушел в эту увлекательную работу. А параллельно начиналась подготовка очередного — «средневекового» — тома «Истории всемирной литературы» и к тому же по представлению академика Н. И. Конрада я был введен в Редколлегию «Литературных памятников», где сразу же был определен куратором средневекового раздела (вместе с Б. И. Пуришевым).

Работа над «ИВЛ» шла своим чередом. Первоначально томом, целиком посвященным литературе Средневековья, должен был руководить Р. М. Самарин. Он совсем неплохо знал эту литературу и, вне всяких сомнений, ее искренне любил. Но он не забывал о «мрачном Средневековье», да к тому же давно этой литературой не занимался, увлеченный «прогрессивной литературой современного Запада». Он почти не следил за новейшей научной литературой по медиэвистике, и поэтому круг его знаний не выходил за пределы общеуниверситетского курса, как уже говорилось, поспешного и поверхностного. Структура тома, которую он предложил, написанные им главы, посвященные куртуазной лирике, рыцарскому роману, городской сатире, редакционную коллегия издания не удовлетворили (надо заметить, что главы, посвященные раннему эпическому творчеству народов Европы, выращавшему из фольклора, с самого начала были поручены Е. М. Мелетинскому, а раздел о средневековом театре — Ю. Б. Вишперу). Тогда было решено привлечь к работе над томом меня. Я начал с того, что устранил попавшие в том несуразности и ошибки и расширил основные разделы за счет пополнения их дополнительным материалом. Но это был все-таки палиатив, и, взявшись за эти главы сегодня, я о многом написал бы иначе. В январе 1974 г. Самарин внезапно скончался. Работа над томом не была завершена. Все перешло в мои руки. Я существенно изменил структуру тома, в частности выделив в западноевропейском разделе «раннее» и «зрелое» Средневековье, каждое открыл специальным введением и написал ко всему тому большое концептуальное вступление. Где можно (то есть позволяло время) я переработал в нужном мне направлении «самаринские» главы (но в томе они вышли под нашими двумя фамилиями и ни слова из них я публиковать под своим именем не мог, хотя там было очень много «моего» текста).

Тем временем я продолжал расширять свои медиэвистические штудии. Так, в спешном порядке я написал и опубликовал большую статью о формировании и судьбе артуровских легенд (для «Смерти Артура» Томаса Мэлори), выпустил том «Литературных памятников», посвященный легендам о Тристане и Изольде. Одновременно вышла моя монография о французском рыцарском романе и я принялся за следующие монографии — о фаблю и о французском героическом эпосе. А параллельно готовил публикации отдельных средневековых литературных памятников. Я издал несколько романов Кретъена де Труа, средневековые французские фарсы, «Роман

о Лисе», «Роман о семи мудрецах, роман «Флуар и Бланшефлор» и т. д. Ничего из этих материалов не вошло в три мои монографии и тем более в соответствующий том «Истории всемирной литературы» Поэтому я публикую их в этой книге. Правда, за тремя исключениями. Три большие работы — «Артуровские легенды и их эволюция», «История легенды о Тристане и Изольде» и «Гильом Оранжевый в исторических легендах и эпической традиции» («Жеста Гильома»), печатавшиеся в томах «Литературных памятников», составили отдельную книгу «Средневековые легенды и западноевропейские литературы» и поэтому в настоящее издание не вошли.

❧ II ❧

Посвятив несколько десятилетий пристальному изучению западноевропейской литературы Средних веков, я пришел к некоторым теоретическим выводам и существенным наблюдениям, суть которых попытаюсь здесь кратко изложить.

Прежде всего, я пришел к той точке зрения, что изучение памятников средневековой литературы, при всей специфике такого изучения и при всей неординарности этих памятников, не должно коренным образом отличаться от подхода к произведениям иных историко-литературных эпох, что подходить к средневековым памятникам следует с той же долей «медленного чтения» (или, по выражению Е. М. Мелетинского, «особой оптики»), что и к памятникам Нового и даже Новейшего времени. Произведение средневековой литературы, при всей его корреляции с «соседствующими» произведениями, в достаточной мере самодостаточно и самозамкнуто и может быть истолковано не только в сопоставлении с другими литературными памятниками эпохи, но и само по себе.

Это не значит, что между произведениями одной жанровой принадлежности или одной эпохи не может быть соприкосновений и даже тесных контактов. Напротив. Как мне представляется, соприкосновения и контакты не только возможны, но неизбежны и закономерны. Поэтому литературный процесс в Средние века представляет собой постоянное «перемешивание» различных жанровых образований, их воздействие друг на друга и как результат — появление новых жанровых форм. В этом и состоит в условиях Средних веков движение литературы, с чем связана ее формальная неустойчивость и подвижность.

Литературный процесс в Средние века предполагает достаточно плавное движение при, тем не менее, постоянном наращивании, укрупнении, но и дроблении литературных форм («внутрижанровом варьировании», по определению А. Я. Эсалнек); все это является одним из типичных факторов движения литературы. Поэтому изображать средневековый литературный процесс как последовательное и непротиворечивое следование одних жанров за другими, их бесконфликтную смену, когда на смену одному жанру или жанровой разновидности приходят другие жанры и формы, совершенно неверно. Жанры не умирают, оставляя место новым, а видоизменяются, трансформируя стоящие перед ними задачи. Возможно, так удобно описывать сменяющие друг друга литературные факты (в курсах лекций), но на деле все происходит иначе. Новые формы возникают из старых и «помнят» о своих предшественниках.

Существенными элементами литературного процесса в эпоху Средних веков (естественно, как и в другие эпохи) являются всякие виды влияний, взаимодействий и единоростов. Тут следует различать непосредственное влияние, когда воспринимающая сторона к такому восприятию готова (как правило, благодаря жанровому сходству, сюжетной и идейной близости, одинаправленности движения литературы). Такое воздействие обычно усваивается без особых проблем близкими по своему генезису или типологическому родству литературами, как правило, литературами соседствующими. Литературы друг от друга далекие — географически, конфессионально и т. д. — входят в соприкосновение, благодаря общелитературным закономерностям развития. Возможны (и достаточно часты) случаи сознательной переработки чужих, старых уже, сюжетов; особенно показательны в этом отношении переработки в условиях культурной жизни Средневековья античных сюжетов и форм или же перекодирование раннесредневековых элементов при переходе к зрелому или позднему Средневековью или даже на пороге эпохи Возрождения. Частным случаем литературных контактов и влияний является обращение к пародированию устаревших или не укладывающихся в новые рамки старых форм. Подобные трансформации особенно характерны для «канунов» и «рубежей», когда литературный процесс приобретает ускоренный характер, что приводит к наступлению новой эпохи, уже старательно и сознательно стремящейся преодолеть старые традиции, тенденции, формы.

**О ЖАНРОВОМ СОСТАВЕ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЕГО ЭВОЛЮЦИИ
(Предварительные замечания)**

